

МНЕ ВЕЗЛО НА УМНЫХ И ДОБРЫХ ЛЮДЕЙ...

БЫЛ 1954 год. Шли вступительные экзамены во ВГИК.

Подготовка моя оставляла желать лучшего, специальной эрудицией я не блистал и всем своим видом вызывал недоумение приемной комиссии. Насколько теперь понимаю, спасла меня письменная работа, которую задали еще до встречи с мастером. «Опишете, пожалуйста, что делается в коридорах ВГИКа в эти дни» — так, приблизительно, она называлась. Больно горяча была тема. Отвратился я в этой работе. О чем спорим, о чем шумим, на что гневаемся, на что падаемся — все изложил подробно.

Потом произошло знакомство с Михаилом Ильичем Роммом. Абитуриенты в коридоре рисовали страшную картину: человека, который на тебя сейчас глянет и испепелит. А посмотрели на меня глаза удивительно добрые. Стали расспрашивать больше о жизни, о литературе. К счастью, литературу я всегда любил, читал много,

Василий ШУКШИН,

заслуженный деятель искусств РСФСР

но сумбурно, беспорядочно. Десятилетку окончил у себя на Алтае «ненормально» — экстерном. И был я уже великовозрастным юношей. И пожил, и помыкался, всякое случалось — семнадцать лет ушел из своей деревни, работал во многих местах, на заводе, на стройках, слесарил, служил на флоте, год преподавал русский язык и литературу в вечерней школе сельской молодежи.

Ужас экзамена вылился для меня в очень человеческий и искренний разговор. Вся судьба моя тут, в этом разговоре, наверное, и решилась.

Правда, предстояла еще отборочная комиссия, которую тоже видимо, изумило, кого набирает Михаил Ильич. Все-таки я заметно выбивался среди окружающих дремучестью своею и неотесанностью. Председатель комиссии иронически спросил:

— Белинского знаешь?

— Да, — говорю.

— А где он живет сейчас?

В комиссии все затихли.

— Виссарион Григорьевич? Помер, — говорю, и стал излишне горячо доказывать, что Белинский «помер».

Ромм все это время молчал и слушал. На меня смотрели все те же бесконечно добрые глаза, чуть ироничный, чуть улыбочивый взгляд поверх очков...

В мастерской Ромма мы учились не только режиссуре. Михаил Ильич требовал, чтобы мы сами пробовали писать. Он посылал нас на объекты — почта или вокзал — и просил описать то, что мы там видели. Потом, на занятиях, он читал и разбирал наши зарисовки. А мне однажды посоветовал: «Пиши, в редакцию отсылать не торопись, а мне давай». Конечно, мне теперь стыдно,

что я отнимал у Михаила Ильича время. Но взялся я за дело активно, писал и приносил ему показывать. Он читал, возвращал мне, делал свои замечания и велел продолжать. Затем, где-то к концу четвертого — началу пятого курса я услышал от него: «Посылай во все редакции веером. Придут обратно — меняй местами и — снова. Я в свое время сам с этого начинал». Так я и сделал. График составил, чтобы не перепутать. Первым откликнулся журнал «Смена».

Ромм следил за моими первыми шагами. Но настал момент, когда он сказал: «Теперь — сам, ты парень крепкий». Радостно все это было, и грустно, и важно. Во всей моей жизни свершился переворот. Мне везло в искусстве на умных и добрых людей.

„Советское кино“ Новосибирск 1969г.

перо